

УДК 13

М.В. Бахтин¹
В.Л. Прохоров²
В.М. Шлыков³

M.V. Bakhtin
V.L. Prokhorov
V.M. Shlykov

РОССИЯ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

RUSSIA: MODELING MORAL EVOLUTION PROSPECTS

В статье рассмотрены современные модели развития России в контексте мировой цивилизации: модели монополярного или биполярного мира.

Ключевые слова: революция, кризис, цивилизация, будущее, глобализация.

In the article, Russia's contemporary models of development are considered in the context of world civilization: monopolar world or bipolar world.

Keywords: revolution, crisis, civilization, future, globalization.

Кризисное, переломное состояние современного российского общества неизбежно активизирует усилия философов, историков, политологов, социологов, экономистов, правоведов и других специалистов в области выработки моделей общественного и государственного устройства, наиболее адекватных историко-культурному потенциалу, традициям нашего Отечества. На наш взгляд, именно периоды кризисов вызывают к

¹ Доктор философских наук, ректор Института деловых коммуникаций, генеральный директор Издательского дома «Энциклопедист-МАКСИМУМ» Международного центра образования и туризма «Спутник».

² Доктор исторических наук, профессор кафедры философии АНО ВО «Российский новый университет».

³ Кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии АНО ВО «Российский новый университет».

жизни наиболее яркие и самобытные модели исторического процесса. И переживаемый нами сегодня перелом в ходе отечественной и мировой истории не является исключением из этого правила. Свидетельством тому выступают все новые и новые модели (или подходы) к объяснению событий прошлого и настоящего.

Отличительной особенностью позиции большинства современных российских историков является, на наш взгляд, так называемое **плюралистическое понимание истории**. Онтологический уровень данного понимания состоит в допущении самых различных вариантов, коренящихся в самой исторической действительности. Причем нынешнее переломное время само по себе предоставляет богатые онтологические возможности для построения самых различных моделей, позволяющих приблизиться к постижению сущности переживаемого момента истории.

Диалектической основой такого подхода является проявление в историческом бытии категорий возможного и действительного. Гносеологический уровень плюралистического понимания истории есть выдвижение и формулирование нескольких гипотетических моделей, объясняющих то или иное историческое событие или факт.

Итак, конструирование моделей социально-политической, экономической и духовно-нравственной сфер современного российского общества мы рассматриваем в качестве одной из важнейших задач отечественной социальной философии. Первый принцип, который, на наш взгляд, должен лежать в основании подобных попыток, есть *принцип единства всех сфер жизнедеятельности общества*. Во-вторых, непрременным объединяющим стержнем таких усилий философа должен быть принцип историзма, позволяющий ограничить бесконечный полет фантазии того или иного автора неизбежными рамками культурно-исторической традиции. В этой связи в спорах о наилучшей модели будущего государственного и социально-политического устройства России необходим учет ряда выводов отечественного философского и религиозного наследия о влиянии духовного облика личности на состояние дел в государстве. Благо, национальная философская традиция дает в этом отношении достаточно пищи для размышления и для того, чтобы высветить и обрисовать основные возможные модели, перспективы геополитического и духовно-нравственного развития современной России в постсоветскую эпоху. Свою задачу в этой связи мы видим в том, чтобы рассмотреть, каким образом и в какой степени те модели исторического процесса и, в целом, традиции философствования, которые явились предметом нашего анализа, могут определять содержание и форму общественной жизни нашего государства. Настоящая работа в большей степени будет посвящена анализу духовного противостояния двух традиций – западной и отечественной.

В критические периоды истории нашего Отечества нацию всегда спасали запасы духовной силы русского народа. Важнейшая роль здесь принадлежит русской идее. В ее основе, как это обстоятельно показали исследования ранних славянофилов, заложено понятие *соборность* как единение людей ради процветания Отечества. Вторая исторически сложившаяся часть русской идеи – *идея государственности*, неоднократно удерживающая страну от влияния центробежных сил. Именно поэтому укрепление отечественной государственности сегодня, на

наш взгляд, неразрывно связано с формированием национально-государственной идеологии, способной объединить большую часть русского народа под знаменами патриотических сил.

В самом общем виде эта идеология включает исторические, традиционные элементы русской культуры, образа жизни, национальных обычаев, православия. Такое объединение не случайно, ибо все эти элементы глубоко онтологически укоренены в общественном сознании русского народа, стали частью мировоззрения и системы ценностей большинства нации. В этой связи наши размышления о грядущей России, как и столетие назад, «должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем обещать от лица России – никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России как поколение дряблкое и предательское» [1, с. 250].

История мировой цивилизации есть история борьбы народов за сферы влияния. Не прекратилась эта борьба и в наши дни. Напротив, мы живем в эпоху тотального, всемирного передела сфер влияния. После крушения биполярного мира Запад, и прежде всего США, активизировали усилия, направленные на расширение своего влияния, используя для этого все доступные средства. Как еще мы можем расценивать рост амбиций и агрессивности НАТО? Какую иную оценку можно дать непрекращающимся разговорам о необходимости продвижения НАТО на Восток и тем более войне в Югославии, как не возрождение знаменитого лозунга тевтонских католических рыцарей «*Дранг нах Остен*»?

По меткой оценке лидеров «Духовного наследия» *А. Подберезкина* и *В. Макарова*, в конце XX века русские оказались в положении индейцев, земли которых «осваиваются» цивилизованными народами, на вооружении которых прежде всего находятся свои ценности – агрессивного протестантизма. Кризис в Югославии показал, что народам насильственно, в том числе и с помощью высокоточных ракет, навязывают чужие ценности: речь идет уже не о демократии, а об идеальной (американской) демократии. Не о рынке, а об американском представлении о рынке и т.д. [2, с. 14]

Культурно-идеологическая (а сегодня зачастую уже и военная) экспансия Запада против славянских государств, и прежде всего России, составляет, в сущности, реализацию давно намеченного плана. Еще в 1945 г. госсекретарь и

директор разведки США *Аллен Даллес* в своем докладе о стратегии и тактике войны с Россией отмечал: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые. Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа; окончательного, необратимого угасания его самосознания... Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться и понимать, что происходит... Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества» [3, с. 4].

Сегодня, спустя полстолетия после «запуска» этой программы, мы с сожалением можем констатировать все более и более успешную ее реализацию. Нет нужды вдаваться в очень глубокий анализ ситуации, чтобы увидеть, что Российское государство в очередной раз в своей истории (такое повторяется примерно раз в столетие) стоит перед вопросом сохранения своей национально-государственной независимости.

Ведущую роль в практическом воплощении обозначенной сверхзадачи сыграл разработанный в начале 1960-х годов спецслужбами США известный Гарвардский проект, главной целью которого была идеологическая война против СССР. Именно Гарвардский университет, этот «мозговой трест» мирового либерализма, стал сегодня эпицентром разработки перспективных моделей мирового устройства с учетом новых реальностей, сложившихся в мировом сообществе после развала СССР и окончательного разрушения биполярного геополитического устройства.

После поражения СССР в холодной войне и крушения коммунистической идеологии на рубеже 1980-х и 1990-х годов мы стоим перед фактом перерастания культурно-идеологической экспансии Запада в новую фазу. Если раньше главным объектом империалистической агрессии было все советское, то теперь, после воссоздания Российского государства, таким объектом становится все русское, российское. Распад СССР и дезориентация социально-политического и культурно-идеологического векторов общественной жизни привели к вакууму в духовной сфере нашего отечества и вызвали катастрофические разрушения

в государственной и политической жизни страны. Но, как известно, свято место пусто не бывает: люди не могут жить без того, чтобы не верить во что-то, чтобы не стремиться к какой-то высокой цели. Бесцельное существование порождает так называемый *экзистенциальный вакуум* – ощущение бессмысленности и бесцельности бытия, ведущее к разрушению духовной сферы личности и нации. Противодействие национальных культур деструктивно-нивелирующему воздействию так называемой глобализации становится сегодня все более действенным фактором международной политики. Неслучайно директор Орлингтонского института стратегических исследований при Гарвардском университете *Сэмюэл Хантингтон* в одной из своих статей «*Битва цивилизаций*» (1994 г.) отмечает, что «мировая политика вступает в новую фазу, в которой основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Великие раздоры в среде человечества, по его мнению, будут порождены культурно-историческими различиями. Это столкновение цивилизаций и станет доминирующим фактором в глобальной политике» [4, с. 18].

Объективный анализ складывающейся геополитической, духовно-нравственной ситуации подразумевает выдвигание и сопоставление на базе исторического подхода нескольких альтернативных моделей – перспектив развития нашего Отечества в начале XXI столетия. Даже самое поверхностное предварительное рассмотрение этого сложнейшего вопроса подводит нас к мысли о том, что на повестку дня встают две наиболее реальные, адекватные исторической ситуации модели развития России в контексте мировой цивилизации: модели монополярного и биполярного мира.

Первая модель, которая все больше становится действительностью на протяжении последнего десятилетия, – так называемая модель «Нового мирового порядка» (НМП). Ее основные принципы: примат общечеловеческих (читай: западноевропейских) ценностей над национальными, идеологии либерализма, монополярный мир. Эта модель имеет еще одно наименование – модель «золотого миллиарда». В самом наименовании данной модели уже заложена монополярность: миллиард человек, населяющих передовые страны Запада (а также Япония и «молодые тигры») составляют в сущности единственный полюс притяжения большей части материальных благ всей планеты. Место и роль России в такой модели давно определены ее конструкторами из-за океана.

Мы все является живыми свидетелями того, с какими трудностями и надрывами осуществляется установление Нового мирового порядка на рубеже веков. Умножение на планете «горячих точек», сопряженных с многочисленными вооруженными столкновениями и тысячами жертвами, активизация «просыпающегося» после многолетней дремы мусульманского мира, быстрое развитие Китая и «молодых тигров», растущее противоречие между «развитыми странами» и нищающими государствами «третьего мира», вполне реальные попытки мафиозных кланов влиять на политику правительств – всё это позволяет прогнозировать, что в своих попытках утвердить в XXI столетии на планете модель Нового мирового порядка Запад в самое ближайшее время столкнется с сопротивлением большей части мира.

Сопротивление это будет успешным лишь в том случае, если найдется народ, способный консолидировать усилия большинства «униженных и оскорбленных», объединить оппозиционные движения всех частей света и встать во главе освободительного движения всей планеты. Исторический опыт, выводы многих зарубежных и отечественных мыслителей и, наконец, пророчества великих русских святых в один голос свидетельствуют о том, что таким лидером всегда была, есть и будет Россия. Действительно, уже по крайней мере трижды в истории наш народ выступал в качестве надежного заслона агрессору: татаро-монголам, Наполеону и Гитлеру. Величайший культурный, духовный потенциал нашего Отечества позволяет питать уверенность в том, что именно так случится и сегодня, в наши дни.

Социально-экономическая, военно-политическая, образовательная стратегии страны формируются на основании вполне конкретного мировоззренческого базиса. Появление новой консолидирующей идеологии было во все времена фактором, определяющим рост могущества государства. А. Подберезкин также справедливо отмечает, что, «не преодолев хаоса в мировоззрении, мы не решим ни одну проблему – ни экономическую, финансовую, социальную, демографическую, ни внешнеполитическую... Понимание русских финансовых и экономических проблем невозможно без понимания духа русского народа» [2, с. 9; 27]. В этой связи перед нами стоит задача показать, как духовное неблагополучие каждого отдельно взятого человека и народа в целом, наряду с комплексом социально-экономических, политических и геополитических факторов, может негативно сказаться на судьбе русского народа.

Геополитическая стратегия модели НМП есть *глобализация*, подразумевающая, в частности, стирание перегородок национально-культурных различий народов, унификация всех областей жизни. США в данном случае мыслится как метрополия всемирной колониальной империи, в которой будет сосредоточена львиная доля всех финансовых средств планеты, ставших единым эквивалентом, универсальной мерой всякой вещи. Об этом весьма убедительно рассуждает в своей книге «Линия горизонта» небезызвестный **Жак Аттали**, бывший директор Европейского банка реконструкции и развития и член Бильдербергского клуба. По его прогнозам, после установления НМП «наиболее ценной собственностью будет гражданство в пространстве доминирующих стран», которое «станет предметом купли-продажи на свободном рынке паспортов». В конечном итоге человек будет самовоспроизводиться подобно товару, жизнь станет предметом искусственной фабрикации и объектом стоимости».

Экономически НМП являет собой царство «свободного рынка», где «деньги будут определять закон», а человек мыслится как предмет, товар».

Культурная и национальная политика модели НМП есть нивелировка в соответствующих областях, против которой так ревностно выступал еще Константин Леонтьев. Массовая культура гигантских мегаполисов и безбрежный космополитизм – таковы идеалы НМП. Не удивительно в этом контексте отношение ведущих «модельеров» НМП, в частности З. Бжезинского, к православию – душе и опоре русской культуры.

Сопротивление остальных пяти миллиардов населения «низкоорганизованных пространств» установлению модели НМП вполне осознается его прожектёрами. Угроза нищего сословия стабильности «золотого миллиарда» должна предотвращаться исключительно при помощи «планетарной политической власти», уже показавшей себя в Ираке, Боснии, Сербии и других «низкоорганизованных» регионах.

Комплексный анализ модели Нового мирового порядка неизбежно ориентирует нас на осмысление ее мировоззренческого фундамента, в качестве которого выступает так называемая *апостхристианская религиозность*. Его идеология (вспомним «Конец истории» Ф. Фукуямы) предусматривает реализацию многовековых мессианских чаяний Запада в форме «либерально-демократического рая на Земле». Сами идеологи мондиализма убеждены в скором приходе в

мир Мессии, который утвердит на Земле законы совершенной религии и явится основателем «золотого века», который будет протекать под управлением Мирового Сверхправительства. Подобные мотивы все чаще и отчетливее звучат в некоторых высказываниях представителей Бильдербергского клуба, Трехсторонней комиссии, американского Совета по международным связям. Верования многочисленных и весьма влиятельных на Западе сект (свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня и др.) прямо ориентируют своих адептов на такое развитие событий. Рассмотрим более пристально религиозную составляющую модели Нового мирового порядка, а затем сопоставим ее с религиозной доминантой той модели, которую мы рассматриваем как альтернативную первой.

Новая культурно-идеологическая ситуация в России, *рост влияния религии в культурной жизни российского общества позволяют Западу играть на новом, религиозном, поле. Расширение границ религиозного сознания в современном российском обществе естественным образом повышает общий уровень внушаемости населения, и это позволяет предположить, что тот, кто одержит победу в этой сфере, обретет также господство в сферах экономики, политики, права и морали.* Широкие возможности манипулирования религиозным сознанием позволяют рассматривать стремительное распространение всевозможных западных деноминаций в современной России в качестве искусного орудия прожекторов модели Нового мирового порядка.

В то же время часто можно услышать, что рост религиозного сознания сопутствует ослаблению позиций науки, уход от рациональных способов объяснения действительности в мистику, иррационализм и т.д. Однако мировой опыт свидетельствует о том, что возведение барьера между наукой и религией является, скорее, искусственным процессом, имеющим корни в идеологических запросах. Противопоставление научной и религиозной форм общественного сознания необоснованно прежде всего потому, что они принадлежат к различным понятийным рядам. Наука – это именно форма общественного сознания, наряду с моралью, искусством, правом и т.д. Религия же – это тип мировоззрения, каковыми также являются миф и философия. Следовательно, у науки и религии – разные цели, задачи и методы их достижения. Наука предоставляет определенный инструментарий, пользуясь которым религия и философия формируют цельные картины мира, мировоззренческие системы. Как справедливо отметил патриарх Алек-

сий II, «*между верой и знанием нет противостояния, однако всем векам и народам знаком спор о том, можно ли подкрепить мистический опыт научными данными. Это спор религии не с наукой, а скорее с идеологией сциентизма, привыкшего говорить от имени науки...*» [2, с. 33]. Наконец, наука в большей степени призвана обучать, а религия – воспитывать человечество и человека.

Перестройка и последующий за ней так называемый постсоветский период в истории нашей страны принесли нам традиционные свободы: слова, печати, совести. Все они зафиксированы в российском законодательстве. В абстрактно-теоретическом смысле свобода – благо, но то, во что выльется свобода на практике, зависит от того, каким образом ею воспользоваться. Еще Аристотель заметил, что любое благо, взятое в недостатке или избытке, превращается в свою противоположность – порок. Избыточная свобода быстро превращается в анархию, а общество в состоянии анархии гораздо легче подвержено экспансии извне. Складывается ощущение, что, предоставив равные возможности всем конфессиям, заведомо была дана фора христианству западного образца, и прежде всего – протестантизму, насчитывающему в своем составе свыше ста различных деноминаций: от традиционных направлений (лютеране, методисты, англикане, баптисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня и др.) до тоталитарных сект.

Как известно, всякое новое протестантское движение или секта начинаются с полученного «свыше» основателем данного объединения «откровения». Однажды представитель той или иной общины заявляет своим братьям: я слышал голос свыше, который приказал мне идти в том или ином догматическом направлении и продиктовал новый «Символ веры». Так было начиная с расстриженного католического монаха Мартина Лютера в XVI столетии и кончая Джоном Миллером, Еленой Уайт (родоначальники адвентизма), Чарльзом Паремом (харизматы), Чарльзом Расселом (свидетели Иеговы), Джоном Смитом (мормоны), Еленой Блаватской (теософия), Еленой и Николаем Рерихами (агни-йога), Рудольфом Штейнером (антропософия), Хаббардом (дианетика), Муном (движение объединения) и т.д. Списку этому нет и не будет конца, ибо сказано уже давно в известном творении, что имя им – легион:

«Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, – потому что много бесов вошло в него» (Лк 8, 30). Имеется в виду нечистый дух, долгое время мучивший одного человека и изгнанный

Иисусом в стадо свиней, бросившихся с крутизны в озеро).

Один богослов заметил, что способ дробления и образования новых подобных «братств» довольно-таки интересен: с медико-биологической точки зрения он напоминает дробление раковых клеток.

Легион этот неоднороден. В своем составе он объединяет группировки самой различной окраски.

1. *Иудейские организации*: те, которые своей доктринальной, организационной или какой-либо другой основой имеют Ветхий Завет, иудаизм. Это, в первую очередь, свидетели Иеговы. К ним ближе всего примыкают адвентисты седьмого дня.

2. *Конфессии*, отпочковавшиеся от католицизма, а в последствии – от лютеранства и других «классических» протестантских направлений. Это методисты, анабаптисты, баптисты, пятидесятники (харизматы).

3. *Антихристианские секты*: церковь сатаны, дианетика (сайентология), ньюэйдж (новая эра), движение Порфирия Иванова, агни-йога Рерихов, валеология, экстрасенсорика, всякого рода оккультизм, магия, гомеопатия и т.д.

4. Секты, не имеющие ни ярко выраженной прохристианской, ни антихристианской ориентации: мормоны, масоны и др.

И весь этот конфессиональный букет потоком обрушился сейчас на Россию. Уж слишком это напоминает крестовые походы Средневековья, организованные католической церковью. Было бы слишком наивно думать, что западное христианство отказалось от распространения своего влияния на Восток. И то, что нам представляют как свободное соревнование различных вероучений, на поверку оказывается инструментарием хорошо спланированной экспансии Запада. Разве не свидетельствует об этом агрессия протестантской Америки против православной Сербии? В «свободной» конкуренции с Русской Православной Церковью, только-только вновь набирающей силу и влияние о обществе, протестантизм имеет явные преимущества. В его руках – прекрасно отлаженный пропагандистский аппарат пасторов и прессы, десятилетиями обкатанные курсы проповедей, испытанные средства внушения и, конечно же, мощная финансовая поддержка.

За борьбой религий стоит борьба культур. Любая религия возникает не на пустом месте и помимо собственно учения ее основателей несет в себе элементы национальных, культурных и социальных особенностей. Именно этим и объясняется при наличии одной Библии суще-

ствование ста различных христианских и околохристианских деноминаций. Если отбросить указанные обстоятельства, то их возникновение остается загадкой. Православие в его историко-культурном развитии начиная с X и уж тем более с XV столетия, после падения Византии, невозможно представить изолированно от истории Русского государства. Сегодня это во многом русская религия, созвучная душе русского народа; так сказать, «обрусевшее христианство». Протестантизм же – религия буржуазной европейской цивилизации эпохи Нового времени, как и католицизм – религия феодальной средневековой Европы. И тот и другой несут элементы европейского сознания.

Замечательный русский историк Церкви, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии **Василий Васильевич Болотов** в своих лекциях по истории древней Церкви приводит интересный анализ психолого-исторических типов протестанта, католика и православного, проводя параллель с типами темпераментов. Протестант, – пишет он, – не заботится об убеждениях других, но все обосновывает на своем разуме. Принцип (протестантизма)... есть вызванный историческими обстоятельствами необходимый прием борьбы с католицизмом. Принцип этот состоит в требовании руководствоваться своим собственным авторитетом в толковании Священного Писания. В.В. Болотов сравнивает протестанта со школьником, не нуждающимся в авторитете сильнейших учеников класса при решении арифметических задач, если он уверен, что им соблюдены все правила арифметики. Рассуждение заканчивается емкой формулой: «для протестанта сила и центр тяжести заключается в нем самом».

Второй тип школьника, – пишет автор, – это прирожденный *папист* (католик. – М.Б.). Это люди слабые, нуждающиеся во внешней опоре, люди чужеземные и чужевольные, настраивающиеся в пользу того, кто говорил последним. Ввиду удручающего их бремени различных сомнений и недоумений по религиозным и церковным вопросам, они стараются найти для себя свидетельство от внешних, авторитет, на который можно было бы опираться при решении тех или других вопросов, и таким авторитетом для них является папа. Иначе говоря, для католика важно папское верование, которое заменяет для него всё. На мой взгляд, В.В. Болотов довольно обоснованно утверждает, что окончательным проявлением такой позиции является папская энциклика 1879 года: «вполне высказался католический мир на Ватиканском соборе, где была

признана непогрешимость папы, когда он говорит *ex cathedra* («с кафедры»)). Думается, наш соотечественник чутко схватил сущность католицизма, когда определил его как систему, построенную на том, что *нравственные начала заменены юридическими* (курсив мой. – М.Б.); раз что-нибудь определено, определять этого более не надо.

Наконец, третий тип – тип православного (в терминологии В.В. Болотова «тип истинного *кафолика*»). Кафолицизм (православие. – М.Б.) определяется им как такое воззрение, по которому признается необходимым иметь дело со всей Церковью, и так как целое всегда равно самому себе, то авторитет поставляется здесь на второй план. В отличие от папства, кафолическая церковь дает возможность рассматривать известные истины. Православная церковь предоставляет всем свободу богословских исследований и мнений. Она не требует от нас, чтобы, не согласные в чем-либо с мнениями Святых Отцов и учителей Церкви, мы убили свои личные убеждения, а требует, чтобы мы не торопились, чтобы мы посмотрели, не делаем ли мы в своих рассуждениях скачков, для нас самих незаметных. Православный богослов, в сравнении с протестантским индивидуализмом и католическим преклонением перед авторитетом папы, слышит в истории голос Церкви, рассеянный не только в пространстве, но и во времени. Следовательно, сознание себя не целым, а частью кафолической церкви, заключает В.В. Болотов, дает место для правильной оценки других голосов.

Приведенный анализ трех историко-психологических типов христианской религии православного ученого еще раз подчеркивает родство религиозных верований и истории того или иного народа. Ведь каждый народ – это вполне конкретный психологический тип, сформировавшийся веками. Поскольку же любая религия есть часть конкретной культуры, определенной географическими и временными параметрами, то тот или иной психологический тип верующего во многом есть продукт данной национальной культуры. В этой связи отстаивание православного мировоззрения следует рассматривать как борьбу за русскую культуру.

Смена религии в стране неизбежно ведет к очень серьезным глубинным трансформациям во всем укладе жизни народа, в структуре мышления людей: ведь протестантизм в большей степени основан на рационализме, а православие часто называют «религией сердца». Протестант и католик всегда начинают с того, что аргументированно обосновывают свою веру, доказывают

истинность Библии с помощью рациональных научных методов: начиная от доказательств бытия Бога *Ансельмом*, архиепископом *Кентерберийским* и *Фомой Аквинским* и кончая доказательствами подлинности *Туринской плащаницы* путем использования радиоуглеродного метода С-14.

Одновременно с усвоением протестантизма усваивается западная система ценностей (апология индивидуализма, предпринимательства и т.д.). И вот уже русский человек открыт Западу для внушения чуждых ему идей и учений, на что в первую очередь претендуют США. Почему же мы должны принимать культуру государства, которое вряд ли может конкурировать с нашим Отечеством в области глубины национальных традиций философии, искусства и религии?

Возрастающее влияние протестантизма в духовной сфере современного российского общества неизбежно скажется на формировании модели общественно-государственного устройства России. В области церковно-государственных взаимоотношений для протестантизма характерен так называемый *принцип территориализма*, подразумеваемый полный государственный суверенитет на соответствующей территории, в том числе и над религиозными общинами. Принцип, основывающийся на лозунге *“cujus est regio, illius est religio”* (чья власть, того и вера). Естественно, что модель социального устройства нашего Отечества, имеющая в основании западные стандарты мышления и традиции, неизбежно придет в противоречие с внутренним укладом российской жизни во всех ее проявлениях.

Подводя итог анализу западно-либеральной мондиалистской модели, обозначенной как Новый мировой порядок, необходимо отметить, что *навязывание западных ценностей, образа мышления, чуждых нашей культуре общественных институтов и, наконец, чуждой нашему народу религии, не может рассматриваться в качестве достойного варианта устройства российской общественной и культурной жизни. Такая модель безусловно представляет угрозу потери национально-культурной идентичности, ведет к размыванию нации, превращению ее просто в сообщество граждан, проживающих в безнациональном государстве.* Модель развития истории, сконструированная на базе западной традиции социально философской мысли, не может автоматически быть экстраполирована на живую ткань отечественного общественного организма.

В сущности, план Нового мирового порядка на деле есть не что иное, как набор мондиалист-

ских технологий, направленных на установление глобальной диктатуры Запада во имя сохранения им своего политического, экономического и военного подчинения всего остального человечества, которому «золотой миллиард» все более безудержно себя противопоставляет.

История показывает, что все попытки создания монополярной модели мира (от Александра Македонского, Юлия Цезаря до Наполеона и Гитлера) рано или поздно заканчивались крахом. Поэтому, основываясь на принципе историзма, мы полагаем, что модель Нового мирового порядка, рассмотренная нами, не может служить образцом для моделирования перспектив развития нашего Отечества в XXI столетии. Основываясь на методе вариативного моделирования

социальных процессов, мы полагаем, что данная модель обязательно должна иметь альтернативу.

Литература

1. Ильин И.А. О грядущей России. – М., 1991.
2. Подберезкин А., Макаров В. Стратегия для будущего президента России: Русский путь. – М., 2000.
3. Половинкин А.А. Педагогам непокоренной России. – Волгоград : Царицынский православный университет Преподобного Сергия Радонежского, 2000.
4. Современная русская идея и государство. – М., 1995.